

75 ПОБЕДА! 1945–2020

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

СВЕРДЛОВСКОГО ПЕДИАТРА ЭТЕЛЬ МИХАЙЛОВНЫ КАПЛИНСКОЙ

Этель Каплинская. 1939 год. Такую фотографию М. Б. Каплинский взял на фронт. Она прошла с ним всю войну.

Я, Каплинская Этель Михайловна, родилась 23 декабря 1937 года в красивом старинном городе, городе Петра – Воронеже.

Мама работала врачом, папа занимался наукой, защитил диссертацию, стал кандидатом медицинских наук, затем директором бакинститута (по-современному – институт вирусных инфекций). А я ходила в ясли.

Наступил 1939 год, война с финнами. Папа добровольцем ушел на фронт, хотя у него была бронь. Мне было всего полтора года. Отвоевался рядовым, оставили служить в действительную.

А тут грянула другая война – война с фашистами. 1941 год. Со слов мамы, Воронеж бомбили уже с первых дней войны.

Наш садик был на даче, за городом. Помню, как нас на грузовой машине везли в город. Темнотища. Только прожектора изредка прорезают эту темноту.

Чтобы как можно больше увезти продуктов, сотрудники всю ночь готовили, а деткам сшили вещмешки, чтобы они тоже немножко несли (это пишу со слов мамы).

На станции Воронеж II (как у нас Сортировка) стоял уже состав. Наши детские два вагона поставили в хвост. Мамочка моя, очень бойкая, устроила там скандал, и нас прицепили к самому паровозу. Есть такая станция в Воронежской области – Графская. Известная по бобровому заповеднику. Был налет. Нас так долбили, что свист этих пуль стоит до сих пор в моих ушах. Спасибо машинисту, он проскочил этот налёт. Остановился, не мог вести состав. А от последних двух вагонов ничего не осталось. Это потом рассказывала мама.

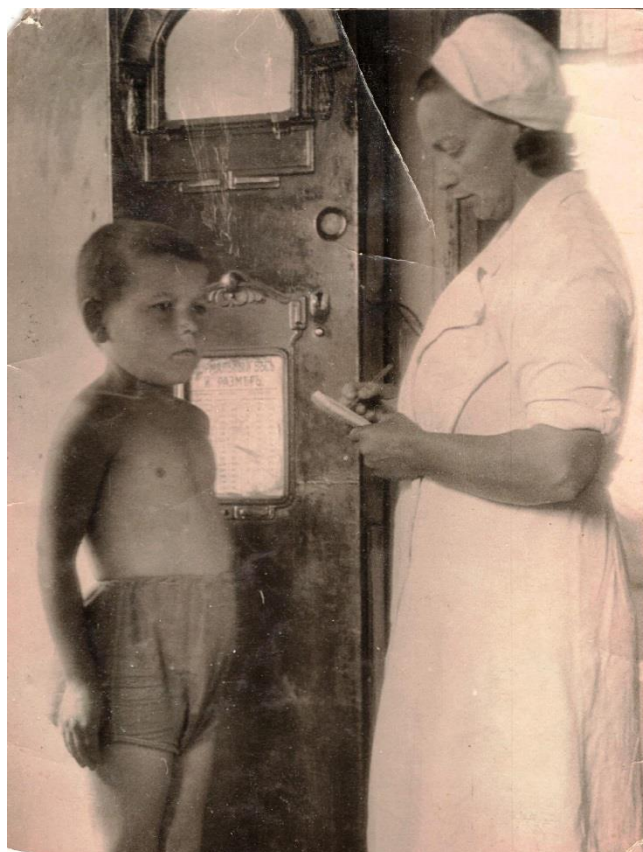
И поехали мы дальше на Восток. Детей было много, воронежских и московских железнодорожников. Может, 100, а может быть, меньше. Я уже не помню. Ехали долго, везде всё переполнено.

Приняли нас на ст. Чкалов (теперь – Оренбург). Освободили то ли детский сад, то ли школу. А персонал – по квартирам. А народ всё раскулаченный, ссыльные злые, не скрывали, что ждут гитлеровцев. Расселяли с паспортами.

Нас поселили к злой тётке в какой-то чулан без окон, тепло от печки тоже не поступало.

Мама уходила на целый день, сажала меня на какой-то сундук на бутылки с горячей водой, одну бутылку под одну мышку, а под другую кусок хлеба и говорила: «Не думай встать, нас выгонят, а на улице мороз». Была зима. А у нас не было тёплых вещей. Мама взяла меня за руку, и мы ушли из квартиры в Воронеже, оставив всё. А здесь

ей выдали телогрейку и валенки 40 разм. (а она носила обувь 35 размера).

Александра Полянинова. Детский дом. 1940-е.

Приехало московское начальство проверить, как устроены дети. Спросили: «А где дочь Поляниновой?» А её здесь нет. Начальник сам принёс меня в группу и маме сказал: «Дочь будет здесь». А я уде с трудом ходила. Ведь мне было всего 4 года. А ведь тогда дети рано выросли. Перезимовали. Наступила весна. Выделили участок под картошку. Отработает мама день, а потом шли сажать картошку. Туда иду прыг-скок. Поздно, спать хочу. Мама возьмёт за грудки, тряхнёт и говорит: «Есть хочешь?» - «Хочу». – «Бросай картошку». А этому дитю было всего 4 года.

Когда освободили Подмоскovie, мы уехали в Москву. Детей, у которых имелись родители, разобрали. А кто остался без родителей, решили организовать детдом. Выделили территорию бывшего пионерлагеря.

К открытию детдома готовились. Все сшили из марли – салфеточки, скатерти, занавески. Напилили и окрасили в разные цвета, акрихином, синькой, зеленой, марганцем – кусочки, кружочки и т. д. Помню, на открытие приехало московское начальство, привезли нам игрушки. А мы устроили концерт. Помню, танцевали и пели «Калинка, калинка моя». А однажды в наше окно заглянул волк. Помню, горят, как огни, глаза и распостёртые лапы. Мы заорали и от страха выскочили в коридор. Воспиталка всех нас прижала к себе, а мы, как горох, её облепили.

И потянулись к нам дети сами, и привозили. Помню одного мальчика, ему 9-11 лет было. Уже точно не помню. Он ни с кем не общался, всё время уединялся. Весь седой, как старик. У него

на глазах фашисты расстреляли всю семью – маму, папу, дедушку, бабушку и маленькую сестрёнку.

Мальчишки убегали, искали родителей, не верили, что их нет. Но возвращались в дет. дом. А я опять беспризорная. Была очень бойкая девочка. Уйду то в лес, то в поле (оно рядом с нами). Вот весь детдом меня ищет. Им это надоело, и меня забрали в группу.

Наших детей очень любили. Лесник выделял всегда полянки с ягодами, с грибами. Всё заготавливали сами.

А у лесника тоже трагедия. Он ушёл в лес, а на его избушку наткнулись фашисты и расстреляли всю его семью – жену, четверых детей, отца, мать.

Деревенские тоже. После 4-го класса наши дети ходили в деревенскую школу. Их никто не обижал. А младшие учились в детдоме.

Приходила учительница из деревни. И я в их числе. Сидела на первой парте у стола учительницы и играла в куклы. Мама очень расстраивалась, а учительница её успокаивала, что я ещё маленькая и всё пройдёт.

Папа всю войну ничего о нас не знал – сумели мы эвакуироваться или нет. И мама тоже о нём ничего не знала.

Михаил Каплинский и Александра Полянинова. 1970-е годы

В военкомате на вопрос о муже отвечали: «В списках погибших и без вести пропавших не числится». А он нас искал.

И вот зима 1944 год. Он шёл через лес со станции к нам. Я эту встречу родителей никогда не забуду. Она и сейчас стоит у меня перед глазами. Шёл через лес, и ни одна тварь его не тронула.

С нами всю войну была бабушка, папина мама. Она очень за него переживала. Он ушёл на фронт первым из четырёх сыновей. А погиб другой сын. Через месяц бабушки не стало. Она была сердечница. Дождалась сына, своего младшенького, самого любимого.

А я сердцем, видимо, почувствовала, что это мой папа. Ведь когда он ушёл на Финскую, мне было всего полтора года. А ведь если бы мы не смогли эвакуироваться, мы бы погибли. Когда немцы вошли в город, одна сволочь подала им

список. В нём была и наша семья.

До войны мы жили на окраине Воронежа, дом звался Дом специалистов. В нём жили врачи, профессора, военные, комиссары, партийные, евреи. Всё про нас. Как в Киеве, так и в Воронеже был свой Бабий Яр. И мы могли быть там. Всё шевелилось несколько дней. Это уже рассказывали очевидцы.

А в октябре 1944 г. мы уехали в Воронеж, дотла разбитый фашистами. Папа нас встречал каждый день. А в этот не приехал. Вышли на вокзал. Темень, всё разрушено. Уцелело здание постройки 19 века, приспособленное под вокзал. Приехал папа, забрал нас. Здание, не помню 3- или 4-этажное. Длинный коридор, по обе стороны комнаты. Окна в коридоре до половины заложены кирпичом.

На первом этаже военная часть, а на следующих – жильцы. Комнатка отца очень маленькая. Окно наполовину заложено кирпичом. Железная кровать, стол и стул – вот и вся обстановка. Вдоль окна – ящик, на котором спала я. Родители по очереди караулили меня. Наглые крысы, черные с проседью, совершенно не боялись людей. А я опять была предоставлена себе целый день. А на улице ещё стояли ежи, вся земля изрыта, в оврагах.

Больше ничего не хочу вспоминать.

Октябрь 2019 года

Э. М. Каплинская

Из фондов Свердловского областного музея истории медицины, филиал ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж».

Фотографии для публикации предоставлены Фондом социальной поддержки медицинских работников им. Н. С. Бабича.